

К IV МЕЖДУНАРОДНОМУ
НАУЧНОМУ СИМПОЗИУМУ
«АВСТРИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЕВРОПЫ»

Мы продолжаем публикацию материалов, поступивших в редакцию в рамках подготовки к симпозиуму, который состоится в нашем университете 26–27 октября 2017 г.

УДК 159.923.2 + 323.12(=411.16) + 340.11 + 94(436)“19”

А. М. Давлетшина

**ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРЕЙСКИХ ГРАЖДАН
В ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ АВСТРИИ ДОВОЕННОГО
И МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА***

В статье анализируются проблемы идентичности еврейских граждан, связанные с изменением их статуса в правовой реальности Австрии в период с конца XIX в. до первой трети XX в. Подробно рассматриваются процесс эмансипации еврейских граждан Австро-Венгрии вследствие принятия ряда законодательных документов, успехи и неудачи ассимиляционного процесса на примере «венских евреев», возникновение антисемитизма и последующее после распада Австро-Венгрии ущемление еврейского населения в гражданских правах. Демонстрируется, что гражданское равноправие представляло собой «формальное равноправие». В статье делается вывод, что изменения правовой реальности Австрии остро переживались еврейской интеллигенцией и повлияли на конструирование «еврейской идентичности».

К л ю ч е в ы е с л о в а: кризис идентичности, еврейская идентичность, правовая реальность, правовые переживания, правовой опыт, антисемитизм, ассимиляция, довоенный период, межвоенный период.

Кризис идентичности является одной из наиболее важных тем в философии конца XIX — начала XX в. Наиболее ярко проблема персональной идентичности проявила себя в Западной Европе, в частности на территории Австрии в среде еврейской интеллигенции в довоенный и межвоенный период. Кризис еврейской

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

идентичности интересен тем, что на него повлияло множество процессов, происходивших в Австро-Венгрии: завершение эмансипации еврейских граждан и успехи ассимиляционного процесса, с одной стороны, и развитие антисемитизма и национализма — с другой.

Австрия подобно многим немецким государствам избрала для себя путь постепенной интеграции евреев в гражданское общество, которая бы осуществлялась под контролем государственной власти. Выбор этого пути австрийское правительство объясняло тем, что к немедленной интеграции не готовы как еврейские граждане, так и само общество не может пока принять эту идею. Эмансипацию в Австрии отличала ее направленность: главной задачей являлась ассимиляция евреев к немецкой культуре, что означало на практике, в виде жесткого требования, отказ от иудаизма¹. Но, учитывая специфику многонациональной Габсбургской империи, нужно отметить, что в реальной правовой и политической практике еврейские граждане должны были решать для себя вопрос более широко — не ассимилировать и оставаться евреем, которого не принимает общество, или ассимилировать и стать немцем, венгром, чехом и т. д. и быть частично принятым обществом? Именно поэтому многие исследователи говорят, что в случае с ассимиляцией части еврейского населения в Австрии правильнее говорить о процессе аккультурации, когда не происходит полного растворения в какой-либо социальной группе.

Одним из первых шагов по уравниванию в гражданских правах, предпринятых в XIX в., стала Конституция Австрийской империи, принятая в 1848 г., которая содержала в себе многие пункты о равноправии всех граждан, в частности, § 17 конституции предоставлял свободу вероисповедания и свободу совести, § 24 — право приобретения недвижимого имущества, § 25 — равенство перед законом, в том числе в отношении воинской повинности и налогообложения, § 31 гарантировал иудейской религии свободное исполнение богослужения. Императорский указ от 20 октября 1848 г. для всех евреев установил обязательный подушный налог и налоги местной полиции, включая существующий только для Вены налог на пребывание в городе [6, 46]. Для еврейских граждан данная конституция значила много. Они были освобождены, помимо всего прочего, от ограничений в праве на место жительства и получили активное и пассивное избирательное право. Но расширение прав еврейского населения было воспринято негативно со стороны других национальных групп: в ряде городов прошли народные волнения, появилось большое количество антиеврейских брошюр. В итоге в 1852 г. император Франц-Иосиф (1848–1916) был вынужден издать указ об отмене конституции 1849 г., что привело к постепенному восстановлению правовых ограничений для еврейских граждан. В частности, местные власти снова стали требовать, чтобы еврейское население просило разрешение на заключение брака, было запрещено арендовать недвижимость, вновь был возвращен запрет на право быть нотариусом и т. д.

---

¹ Обращение в католицизм обычно диктовалось насущной необходимостью для получения работы. При этом в глазах культурно ассимилированных евреев еврей, перешедший в католицизм, представлял собой жалкую фигуру.

Еще больше ситуация усложнилась в 1855 г., когда был заключен конкордант между Австрией и Римским папой. Это привело к тому, что из школ и университетов стали увольнять еврейских преподавателей в связи с контролем над образованием католической церкви. Но все же в 1857 г. многие из этих ограничений были отменены и австрийское правительство обещало издавать законы, которые бы улучшили положение еврейского населения в Австрии. Так, в феврале 1860 г. был издан закон о праве евреев приобретать недвижимость повсеместно, с некоторыми ограничениями для альпийских областей и Галиции [6, 50]. А 1867 г. было заключено австро-венгерское соглашение и образована двуединая монархия, что повлекло принятие новой Конституции Австро-Венгрии, включавшей в себя многие пункты прошлой Конституции и провозгласившей окончательную эмансипацию еврейских граждан.

После принятия конституции произошел резкий рост еврейского населения за счет эмигрантов из соседних империй, а также увеличилось количество еврейских граждан в Вене за счет переселения из других областей Австро-Венгрии. Несмотря на гарантирование гражданских прав государством, еврейское население не ощущало защиты своих прав. Поэтому Ю. Волин отмечал, сравнивая российских и австрийских евреев, что еврей Российской империи страдает от нищеты, гнета, бесправия и насилия, в то время как страдания западных евреев еще более глубокие: уравненные в правах, они не чувствуют себя равными с остальными гражданами Австро-Венгрии и никто их таковыми не считает [Там же, 7].

Одним из достижений эмансипации еврейского населения можно считать возможность получения образования в школах и университетах. Многие исследователи австрийской культуры отмечают, что австрийских евреев, и в еще большей степени евреев Вены, отличал высокий уровень образованности [3, 9]. Изменение правовой реальности Австро-Венгрии, уравнение в гражданских правах дало им возможность поступать в университеты, участвовать в культурной жизни столицы. Еврейские семьи в последней трети XIX в. буквально брали штурмом образовательную систему, видя в ней лучшее средство ассимиляции и повышения своего социального статуса. С. Цвейг (1881–1942) писал, что евреи благоговели перед образованностью. «Подлинная воля еврея, его имманентный идеал — взлет в духовные выси, в более высокую культурную сферу. Уже в восточном ортодоксальном еврействе, где слабости, как и достоинства всей нации, проступают ярче, это высшее проявление воли к духовному через чисто материальное находит свое наглядное выражение: благочестивый человек, талмудист почитается в общине в тысячу раз больше, чем состоятельный; даже первый богач охотнее выдаст свою дочь за нищего книжника, чем за торговца. Это благоговение перед духовным у евреев свойственно буквально всем сословиям; самый бедный уличный торговец, который тащит свой скарб сквозь ветер и непогоду, попытается выучить хотя бы одного сына, идя на тяжелейшие жертвы, и это считается почетом для всей семьи, что в их роду есть свой ученый: профессор, музыкант — словно *он* своим положением делает их аристократами» [10, 49–50]. В итоге в начале XX в. среди врачей, инженеров, адвокатов, судей, журналистов, писателей было очень много евреев.

В 1895 г. был принят законопроект, по которому иудейство признавалось равноправным с католичеством, протестантским и православным вероисповеданиями в качестве возможности перехода из одной веры в другую. Это значило, что браки между христианами и иудеями объявлялись законными, по какому бы обряду они ни совершались [6, 54]. Именно это признание иудейской веры считается окончательной эмансипацией евреев с конфессиональной точки зрения, в связи с чем для многих просвещенных еврейских граждан этот период, несомненно, был золотым веком. С. Цвейг описывал австрийскую монархию довоенного периода как эпоху надежности: «права, которые оно (государство. — А. Д.) обеспечивало своим гражданам, было закреплено парламентом, этим свободно избранным представителем народа, а каждая обязанность строго регламентирована» [10, 42].

Несмотря на то что правовое положение еврейских граждан улучшилось благодаря либеральной программе, эта группа населения оставалась зависимой от административной опеки, от покровительства или произвола чиновников. В частности, господство бюрократии, которой так славилась Австро-Венгрия, привело к тому, что закон каждый мог толковать по-своему и он становился инструментом беззакония, причем непонимание этих правовых документов толкователями закона компенсировалось автоматизмом в низших звеньях бюрократического аппарата, который, по сути, и принимал все правовые решения. Ситуация не изменилась и после распада Австро-Венгерской империи и формирования нового государства — Австрийской республики. Еврейские граждане бывшей империи столкнулись с новыми правовыми порядками в момент получения гражданства, которые к тому же были национально окрашены. Г. Бюргер отмечает, что для «евреев и еврейских женщин путь к получению нового гражданства в одном из государств-правопреемников стал длительным и сложным процессом. Нередко он заканчивался отказом в гражданстве. Монархический закон о гражданстве... отличался принципом надэтнической нейтральности, в то время как законы о гражданстве новых республик в значительной степени следовал национально-государственной, этнической логике» [1, 132–133].

Процесс ассимиляции и признания гражданских прав евреев проходил очень тяжело. С одной стороны, император Франц-Иосиф взял на себя роль покровителя евреев, ибо видел в них государственный народ, опору своей монархии. И, несомненно, еврейские граждане считали себя истинными австрийцами, именно они переживали распад империи тяжелее, чем другие национальные группы. В то же время антисемитски настроенные политики активно ставили под вопрос равенство евреев с австрийскими немцами. «Общество, столкнувшись с проблемой политического, экономического и правового равенства для евреев, совершенно ясно дало понять, что ни один из его классов не был готов обеспечить им равенство в социальном плане и что представители еврейского народа будут приняты только в исключительных случаях» [4, 103–104].

Равенство в гражданских правах еврейского населения с австрийскими немцами было «формальным», на что постоянно указывалось как «просвещенной» интеллигенцией, так и простыми жителями Австро-Венгрии. «Требую — и часто добиваясь — от евреев “эвтаназии” их религиозной идентичности и тем не менее

отказывая им в полном и немедленном уравнении в правах с другими гражданами (которое, несомненно, облегчило бы для них процесс интеграции), немецкий и австрийский либерализм подверг программу ассимиляции двойной опасности: немецкие и австрийские евреи в значительной степени уже пожертвовали своей идентичностью, чтобы войти в мир немецкой культуры, и тем не менее им приходилось довольствоваться статусом “народа-гостя” (*Gastvolk*), зависимого от доброй воли принявшего его народа. Впечатление, будто евреи добились наконец демократических свобод и равноправия, оставалось иллюзией, потому что одновременно сохранялся архаический образ гетто, подпитываемый еще не устраненными ограничениями и различиями между действующими законодательствами» [9, 347]. Можно говорить о том, что правовая реальность Австро-Венгрии не носила однородный характер, — то, что было утверждено на государственном уровне императором, практически не реализовывалось в реальных бюрократизированных правоотношениях, а такие правовые идеалы, как равенство, свобода и справедливость, в правосознании большей части общества не воспринимались как общие для всех.

Ф. Кафка (1883–1924), изнутри знающий бюрократическую систему Австрии и проблемы еврейского населения, в романе «Замок» очень хорошо описывает место еврейского гражданина в этой правовой реальности. К. — везде чужой, он не относится к Деревне или Замку: «Вы не из Замка, вы не из Деревни. Вы ничто». При этом он как-то связан с властями, ведь как-то он оказался в Деревне, хотя законного права на жительство в Деревне у него нет. По мнению низших бюрократических органов существование К. является бюрократической случайностью и его гражданское существование принесет только проблемы. Ему постоянно ставят в упрек, что он чужой, он всем мешает и терпят его только из милости. При этом он не просит для себя особых прав, но и не понимает, как можно просить о законных правах, которые должны быть у всех. В итоге К. в романе Ф. Кафки обрекает себя на одиночество в этом мире, не приняв предложение Замка и не являясь частью Деревни. Как отмечает Х. Арендт, «вся проблематика ассимилирующего еврейства не вместились бы так точно ни в какую другую картину, как в это альтернативное предложение — либо ты лишь для видимости принадлежишь к народу, а на самом деле к властям, либо совсем отказываешься от покровительства властей и уповаешь на народ» [5, 84].

Ассимиляция не коснулась всех, основная масса евреев оставалась верна традициям, подвергаясь по большей части лишь бытовой ассимиляции. Д. Х. Бекмухаметова пишет: «Чем больше становилось число евреев, занимающих важные экономические позиции или видное положение в культурной жизни, тем более и более усиливалась травля антисемитских кругов и росло количество тех, кто враждебно относился к евреям и противился “еврейскому засилью»» [6, 53]. Процесс эмансипации и экономического успеха евреев все больше и больше воспринимался негативно в обществе, что привело к появлению антисемитских идей. Особенно сильный толчок к развитию антисемитского движения получило после экономического кризиса 1873 г., после чего к этому движению присоединились представители практически всех слоев общества: аристократы, мелкие ремесленники, студенты, политики и т. д.

Наиболее известной партией, использовавшей в своей политической программе антисемитские идеи, была Христианско-социальная партия, объявившая своей задачей борьбу против «еврейского капитала». Например, К. Люгер (1844–1910), член этой партии и в будущем бургомистр Вены (1897), в своей речи, произнесенной в ходе парламентских дебатов по поводу Закона о гражданском статусе еврейских религиозных общин, говорил: «В Вене евреев не меньше, чем песка на морском берегу, куда ни сунешься, везде одни евреи, пойдешь в театр — там одни евреи, на Рингштрассе — одни евреи, в городской парк — одни евреи, на концерт — одни евреи, в университет — опять-таки одни евреи. ...Мы, конечно, не кричим “хеп-хеп-хеп”, но стараемся не допустить, чтобы все христиане стали жертвами угнетения и чтобы на месте старой христианской империи, Австрии, возникла новая империя — Палестина. В этом и заключается причина антисемитизма. Речь не идет о ненависти к отдельным личностям, о ненависти к бедным, маленьким евреям. Нет, господа, мы ненавидим только угнетающий нас крупный капитал, который сосредоточен в руках евреев» [9, 350].

Граждане, поддерживавшие антисемитизм, делали все возможное, чтобы посеять сомнение в ассимилированности еврейского населения. Часто в судах рассматривались дела о ритуальных убийствах, совершенных евреями (например, обвинение группы евреев города Тисаэслар в 1882 г., суд в Польне в 1899 г. и т. д.). По многим судебным делам впоследствии при повторном обсуждении выносился оправдательный приговор. Подобные дела очень остро переживались еврейской интеллигенцией, особенно в связи с тем, что им приходилось решать, кого они поддерживают — обвиняемого или обвинителей. Так, К. Краус, комментируя судебный процесс 1899 г. об обвинении в ритуальном убийстве еврея Л. Хильснера, старался описывать все так, чтобы никто не заподозрил его в «еврейской солидарности».

Только в искусстве еврейская интеллигенция могла быть избавлена от общественного и политического вмешательства и быть частично принятой в немецком интеллектуальном обществе при условии хотя бы «внешней» ассимиляции. Но одновременно с этим евреи всегда оставались евреями, даже если принимали католичество и говорили на немецком языке. В связи с этим А. Шницлер писал: «Теперь у еврея, особенно причастного к публичной жизни, уже не было возможности забыть, что он еврей, поскольку другие об этом не забывали — ни христиане, ни тем паче евреи. Перед ним открывалось два пути: казаться нечувствительным, назойливым, наглым, или, напротив, — чувствительным, робким, помешанным на преследованиях. Но даже если кто-то сохранял внутреннее и внешнее самообладание в такой мере, что его нельзя было причислить ни к одной, ни к другой категории, совсем не реагировать на происходящее он не мог — как не может оставаться равнодушным человек, которому хотя и сделали анестезию, но он вынужден с открытыми глазами наблюдать, как нечистый нож царапает и режет его кожу, пока не выступит кровь» [Там же, 385].

Двойственность положения как в правовой, так и в культурной реальности поставила еврейских интеллектуалов перед вопросом: кто такой еврей? Ответ на него они искали на протяжении всего межвоенного периода в разных сферах

искусства — в литературе, кинематографе, психологии и т. д. [3]. Решение этой проблемы объединило таких разных в своем творчестве З. Фрейда, О. Вейнингера, Й. Рота, С. Цвейга, К. Крауса, Т. Герцля, Ф. Кафку и т. д. Каждый из них задумывался над этим вопросом и предлагал свое решение как для себя, так и для других, одновременно пытаясь понять, является ли он таким «евреем» или должен искоренить в себе все «еврейское», чтобы быть частью европейской культуры. Ж. Ле Ридер делает одно важное, на наш взгляд, наблюдение: «Тревожащее нас разнообразие предложенных ими (еврейской интеллигенций. — А. Д.) ответов наводит на мысль, что в исторической и культурной ситуации венского «модерна» уже нельзя было говорить ни о каком ином еврее, кроме «еврея воображаемого». Еврейская идентичность определялась для каждого из них в форме вымысла, пространного повествования, в котором интимная биография и личное бессознательное играли не менее важную роль, чем история еврейского народа и тексты религиозной традиции» [9, 12].

Особенно сильным ощущение пустоты было после Первой мировой войны, когда вместе с рефлексией над прошедшей катастрофой сформировалось четкое понимание ущербности правовой системы Австро-Венгрии и провала либеральной стратегии ассимиляции, которая была хорошо заметна в правовых реалиях Австрийской республики, построенной на руинах бывшей империи. Сталкиваясь с вымыслами антисемитов, убежденных, что они знают, что такое «еврей», еврейские интеллектуалы в ситуации «потерянной» идентичности были вынуждены реконструировать ее, комбинируя разные элементы из своей личной истории и истории своего народа.

Антисемиты поставили под вопрос ассимилированность еврейских граждан, их принадлежность к немецкой культуре, тем самым спровоцировав повышение интереса к еврейской идентичности и «поразительное множество индивидуальных процессов идентификации с мифами и фигурами, имеющими персональную или коллективную ценность» [Там же]. Еврейская интеллигенция предложила в конце XIX — первой трети XX в. разные пути и способы решения проблемы идентичности: понимание «еврейства» как этнической или национальной характеристики, трактовка как мифологического или религиозного конструкта. Предлагались индивидуальные и коллективные способы решения еврейского вопроса, реконструирование еврейской идентичности на основе иудейских традиций и отказ от своей еврейской идентичности с дальнейшей культурной ассимиляцией и поддержкой антисемитизма. Так, О. Вейninger (1880–1903) определял «еврейство» не через понятия «этнос» или «нация», а через понятие «психической конституции»: «Под еврейством следует понимать только духовное направление, только психическую конституцию, которая для всех людей является возможностью, а в историческом еврействе нашла лишь самое грандиозное свое осуществление» [7, 292]. В связи с этим еврейский вопрос, по его мнению, может быть решен только индивидуально. «Но зато еврей, который достиг бы победы, еврей, который стал бы христианином, безусловно обладал бы полным правом на отношение к нему со стороны арийца как к единичному лицу, а не как к члену расы, над которой он давно вознесся в своем моральном стремлении» [Там же, 301].

Рост антисемитизма в Австрии привел к подъему национального движения среди еврейского населения: в большом количестве создавались различные союзы по защите прав еврейских граждан, все чаще звучали идеи о создании своего национального государства. Наиболее ярко это проявилось в сионизме, целью которого Т. Герцль (1860–1904) видел объединение еврейского народа на общей родине. По его мнению, еврейский вопрос существовал всегда, и было бы глупо это отрицать. Но решением его является не ассимиляция и не эмиграция в другие государства. Единственным выходом является переселение евреев в еврейское государство, которое обязательно будет поддержано мировыми державами [8].

Но программа по созданию еврейского национального государства не получила поддержки среди еврейской интеллигенции, которая видела в Австрии свою родину и не могла серьезно воспринимать такие предложения, как создание государства в Аргентине или Палестине, как предлагал Т. Герцль. «Следует ли нам выбрать Аргентину или Палестину? Мы возьмем то, что нам дадут и что предпочтет еврейское общественное мнение. ...Аргентинская Республика получит значительную выгоду, уступив нам часть своей территории... Палестина — это наша незабвенная историческая родина. ...Предположим, Его Величество Султан уступил бы нам Палестину — в благодарность мы могли бы взять на себя обязательство отрегулировать всю финансовую систему Турции. Мы также отчасти приняли бы на себя роль оплота Европы против Азии, стали бы форпостом цивилизации в землях варваров» [Там же, 443–445]. Еврейская интеллигенция по большей части не понимала, как можно отказаться от австро-венгерского гражданства, дающего доступ к высокой немецкой культуре, и начать с чистого листа. В «Короне для Сиона» К. Краус в лице Т. Герцля обвиняет сионизм в усвоении программы антисемитизма, направленной на то, чтобы изгнать евреев из Вены в «новое гетто» [2, 4], и тем самым оживляющей антисемитские страсти, которые, если бы не его вмешательство, очень скоро были бы забыты. Сионизм, по его мнению, является идеей ассимилированных, богатых евреев, которые дают бедным евреям Центральной Европы обманчивые иллюзии. Краус отмечает, что эти интеллектуалы, давно порвавшие с еврейской традицией, вдруг стали ссылаться на Библию и библейских пророков. Еще более смешно для Крауса, что многие сионисты говорят о Палестине, не зная ничего о ней. Эти идеи абсурдны и опасны; чтобы покончить с антисемитизмом, нужно ликвидировать те остатки еврейского сепаратизма, которые пагубным образом культивируются раввинами, особенно в восточных провинциях. Следует улучшать положение евреев в Европе — вместо того, чтобы заманивать их в Палестину [Там же].

К. Краус, как и большинство еврейских интеллектуалов, считал Австрию своей родиной. В принципе этой позиции придерживались многие еврейские граждане, и именно поэтому военная мобилизация в период Первой мировой войны воспринималась ими не только как трагическое событие или противоречащее еврейской культуре (что очень хорошо показано в романе Й. Рота «Иов»), но и как возможность отдать долг империи, показать свою лояльность. «В ряде случаев евреи воспринимали эту войну не только как возможность выполнить свою гражданскую обязанность, но и как доказательство своей лояльности и принадлежности

государству» [1, 131]. К сожалению, выполнение воинской обязанности было недостаточным: чем дольше продолжалась война, тем чаще звучали антисемитские лозунги про еврея как «внутреннего врага», «пятую колонну» [Там же] и т. д. Это привело к тому, что в последние годы войны еврейское население искало любые способы, чтобы избежать призыва.

После окончания войны в Вену двинулся поток еврейских иммигрантов из окружающих ее государств, что в период с 1918 по 1920 г. сыграло большую роль в формировании правовой реальности новой республики. Под давлением общества представители всех политических сил, включая социал-демократов, вскоре согласились с тем, что необходимо найти способ отказа в гражданстве в Вене еврейским иммигрантам. Таким решением стало принятие проекта немецко-австрийского закона о гражданстве от 27 ноября 1918 г., который бы сделал процесс получения гражданства зависимым от признания немецким государством [Там же, 136]. Однако он не был официально ратифицирован, поскольку сразу бы вызвал возмущение со стороны прессы в связи с нарушением прав меньшинств. В итоге возможность получения гражданства регламентировалась статьей 80 Сен-Жерменского мирного договора, в соответствии с которым в течение шести месяцев бывшие граждане австро-венгерской монархии могли выбрать для себя гражданство по принципу «расы и языка» (*nach Rasse und Sprache*) [Там же, 137]. Но опять же, как отмечает Г. Бюргер, на территории бывшей империи по этой статье еврейскому населению было сложно получить гражданство. Одновременно с нарастающим антисемитским настроением еврейское население вновь ощутило всю остроту своего особого положения. Даже те интеллектуалы, которые считали себя в первую очередь европейцами и космополитами, ощущали гнетущую атмосферу разрушенной империи и приближение новой катастрофы. С. Цвейг, вспоминая Австрию межвоенного периода, писал: «Вырос в Вене, в этой двухтысячелетней наднациональной столице, и вынужден был покинуть ее как преступник, прежде чем она деградировала до немецкого провинциального города» [10, 38]

Можно говорить о том, что в период с конца XIX в. по 30-е гг. XX в. вместе с трансформацией правовой реальности Австрии менялся и правовой статус еврейских граждан. В довоенный период, с одной стороны, они получили основные гражданские права, а с другой, это равенство оказалось «формальным». В послевоенный период их правовое положение стало постепенно ухудшаться, несмотря на новые расширения в гражданских правах (в 1920 г. избирательное право было дано еврейским женщинам), так как на фоне экономического кризиса антисемитизм становился сильнее. Иллюзорность равенства в правах очень остро переживалась еврейскими интеллектуалами, и опыт этого переживания проявил себя в рефлексии по поводу еврейской идентичности. Ответ на вопрос «что значит быть евреем?» стал определяющим для еврейской интеллигенции предвоенного и межвоенного периода.

---

1. *Burger H.* Heimatrecht und Staatsbürgerschaft österreichischer Juden. Wien ; Köln ; Weimar, 2014.

2. Kraus K. Eine Krone für Sione. Wien, 1898.
3. Wien und die jüdische Erfahrung 1900–1938. Akkulturation – Antisemitismus – Zionismus / F. Stern, B. Eichinger. Wien ; Köln ; Weimar, 2009.
4. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
5. Арендт Х. Скрытая традиция : эссе / пер. с нем. и англ. Т. Набатниковой, А. Шибаровой, Н. Мовниной. М., 2008.
6. Бекмухаметова Д. Х. «Еврейский вопрос» в Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Ставрополь, 2011.
7. Вейнингер О. Пол и характер : Принципиальное исследование. М., 2012.
8. Герцль Т. Возможное решение еврейского вопроса // Евреи в современном мире. История евреев в Новое и Новейшее время : ант. док. М., 2006. С. 438–447.
9. Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб., 2009.
10. Цвейг С. Вчерашний мир. М., 1991.

Рукопись поступила в редакцию 5 июля 2017 г.

УДК 1(091) + 94(436)“18” + 821.511.141 + 316.752

Е. С. Черепанова

**КРИТИКА ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ
В АВСТРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА:
Г. БРОХ, К. КРАУС И Ф. ЭБНЕР***

В статье рассматривается трансформация критического анализа языка и понимания проблемы ценностей в австрийской литературе и философии. Анализируется понимание указанных вопросов Г. Брохом, К. Краусом и Ф. Эбнером (на основе текстов, написанных до 1914 г. и в межвоенный период). Представлен также культурно-идентификационный контекст формирования специфики видения лингвокритической и аксиологической проблематики.

К л ю ч е в ы е с л о в а : критика языка, проблема ценностей, война, антропологическая проблема, имперская и постимперская ситуация, межвоенный период австрийской истории.

Десяностые годы XIX в. Австро-Венгрии обычно называют временем формирования особого австрийского мироощущения, которое нашло отражение в философии и литературе. К тому моменту Габсбургская империя пережила целый ряд политических событий, которые привели к усугублению межэтнических противоречий, особенно в Королевстве венгров (было учреждено в 1867 г.) и в Богемии. В наиболее сложной ситуации (в плане культурной идентичности) оказались те граждане империи, которые считали себя австрийцами. Новое государство, Австро-Венгрия, в своем официальном названии объединенных территорий разделилось на две области: Транслейтанию – Венгрию и остальную

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).